

Когда путники вышли из леса и направились в Штерненталь, уже рассветало. И с первыми лучами солнца сюда вернулась весна. Воздух потеплел, снег быстро сошел. Свежий ветер с гор оживил деревья, на их ветвях стали раскрываться почки, и воздух наполнился запахом молодых листьев. Вскоре из земли показалась трава.

Когда путешественники достигли аллеи, которая вела к башне городского совета, каштаны уже стояли в полном цвету. Улицы Штерненталья были по-прежнему пусты, никто из волшебников не пожелал выйти из дому, чтобы полюбоваться на это чудо. Впрочем, как уже убедились путешественники, это чудо было лишь иллюзией, красивой ширмой, за которой вершились здесь темные дела. Здесь все было не таким, каким казалось на первый взгляд, в Штернентале ничему нельзя было доверять.

И все же серафима собиралась отправиться к Годрику, рассказать ему о том, что путники узнали ночью, и просить, а если понадобится, то и требовать у него помощи. Вампирша тоже не доверяла Годрику, но одновременно не видела иного выхода — она хорошо понимала, что в одиночку они едва ли смогут помешать секте Саккары открыть врата ада и выпустить на свободу древних демонов Хаоса.

И все же в глубине души Зара предпочитала никому не доверять, надеяться только на себя и все время быть настороже.

В нижнем зале башни Джэйл обратилась к вампирше:

— Если не возражаешь, говорить буду я. Мне кажется, дипломатией мы достигнем большего, чем с помощью насилия.

Зара захлопала глазами с самым невинным видом. «Насилие? Какое насилие? Насилие и я — две вещи несовместимые» — было написано на ее лице.

— Делай, как считаешь нужным, — скапала она, старательно изображая покорность. — Ты у нас главная.

Джэйл вскинула брови. Она пыталась угадать, что задумала Зара, но по непроницаемому выражению лица вампирши невозможно было ничего прочесть. Поэтому серафима сосредоточилась на предстоящем разговоре с Годриком. Она понимала, что главе волшебников вряд ли понравится выслушивать поучения пришедшей серафимы. Джэйл и ее сестры в свое время приложили руку к тому, чтобы Годрик и его друзья водворились в Штернентале, а магия оказалась под запретом. И хотя винить в этом следовало Илиама Цака, у Годрика все равно не было причин испытывать особую симпатию к Защитницам Света. Он не запретил ей пребывание в Штернентале, но ничем и не помог в расследовании. Тогда ее устроил нейтралитет. Но сейчас от Годрика требовалось нечто большее. Сможет ли он забыть старые обиды и предубеждения? Сможет ли понять, что, если речь идет о самом существовании Анкарии, нужно искать союзников, а не сводить старые счеты?

Несмотря на ранний час, и Годрик, и его помощники были на месте — в том же зале, откуда

Джэйл, Зара, Фальк и Тор ушли накануне вечером. Однако были и отличия — возле стола на сей раз стояло не три, а двенадцать высоких кресел, и в каждом сидел волшебник. Когда путники вошли в зал, двенадцать высоких колпаков дрогнуло, двенадцать белых бород повернулось к дверям и двенадцать пар удивленных глаз уставилось на вошедших.

Волшебники молчали, ожидая, что гости первыми поприветствуют их и сообщат о причине визита. Но Зара тоже решила обойтись без слов. Она просто швырнула на стол уродливую голову Виглафа. Черные, лишенные зрачков глаза волшебника смотрели в пустоту, рот раскрылся, демонстрируя собравшимся длинные, острые, как наконечники копий, зубы, язык вывалился прямо на столешницу. Однако трансформация была прервана, и в этом чудовище все еще можно было узнать бывшего Виглафа.

Волшебники недоуменно зашептались. Годрик вскочил на ноги.

— Позвольте, что это...

Но Джэйл не позволила ему закончить. Она решительно шагнула вперед и ткнула пальцем в обезображенную голову.

— Это голова предателя, — сказала она, и Зара с удивлением осознала, что серафима умеет быть не только вежливой или насмешливой, но способна говорить жестко и угрожающе. — Этот человек предал Штерненталь, все, ради чего вы трудились много сотен лет, — продолжала Джэйл. — Он предал само человечество. Пока вы сидели в своих башнях и вели ученые беседы о том, как вам использовать свои знания во имя общего блага, у вас под носом кучка негодяев поклонялась злу и лелеяла черные замыслы. А вы ничего не заметили, ничего не предприняли для того, чтобы остановить их!

Годрик закашлялся от неожиданности и тяжело опустился в кресло. Тем не менее ему потребовалось лишь несколько секунд, чтобы оправиться от потрясения. После чего он заговорил властно и уверенно:

— Мы как раз обсуждали этот вопрос с коллегами. Мы очень хотели бы узнать, почему вы сочли возможным напасть на одного из членов нашего братства и убить его. Однако я полагаю, сейчас не лучшее время для этого. Я хотел бы предложить вам...

— А я считаю, что сейчас самое время обсудить все, о чем вы умолчали в прошлый раз, — перебила его Джэйл. — Положение дел таково, что мы не можем позволить себе ни малейшей отсрочки.

Она стояла, опираясь кулаками о столешницу, и внимательно изучала волшебников, сидящих напротив нее. Казалось, что взгляд серафимы пронзает их насквозь. Лица волшебников были бледны, они чувствовали себя неуютно. Эти двенадцать выглядели точно так же, как те трое, которых путники видели вчера в трактире. Они держали в руках посохи, наконечники которых представляли собой странные фигуры, напоминавшие то ли буквы неведомого алфавита, то ли некие астрологические символы. Вероятно, это были знаки различия в иерархии магов. Белые

бороды — неперменный атрибут мужчины в Штернентале — были такой длины, словно их никогда не касались ножницы. Лица же волшебников казались молодыми, хоть и были изборождены морщинами. Их глаза, глубокие и темные, были устремлены на троих путешественников. Казалось, они с недоумением спрашивают себя: что делают эти чумазы и оборванные люди здесь, где царят чистое знание и вековая мудрость.

Но на Джэйл эти взгляды не произвели ни малейшего впечатления.

— Секта почитателей Саккары собирается открыть врата ада, — сказала она спокойно и веско. — Они выпустят на свет демонов Хаоса, и Анкария будет уничтожена. И каждый из вас, кто знает что-то об этом заговоре и молчит, — такой же предатель, каким был Виглаф, и заслуживает той же участи.

Волшебники заговорили между собой вполголоса. Было ясно, что они, как и Годрик, из всех сил стараются казаться невозмутимыми, но на самом деле чрезвычайно обеспокоены. Однако невозможно было понять, что взволновало их больше — дерзость Джэйл или ее слова о возрождении культа Саккары.

Наконец Годрик поднял руку, призывая своих коллег к молчанию. Они подчинились — по крайней мере среди них Годрик обладал известным авторитетом.

— Вы сказали «культ Саккары»? — переспросил верховный волшебник и усмехнулся. — Культ Саккары? Врата ада? Демоны Хаоса? — Годрик покачал головой, едва удерживаясь от смеха. — Почтенная серафима, я бесконечно уважаю вас и нашего мудрого короля, да пошлют ему боги долгую жизнь, но боюсь, я неправильно вас понял. Во имя всех богов, что за странные фантазии приходят вам в голову? Могу ли я узнать, что навело вас на эту абсурдную мысль?

— К моему величайшему сожалению, это не фантазия, — возразила Джэйл.

И она вкратце сообщила волшебникам о том, что привело ее, Зару и Фальку в Штерненталь, — о бестиях, убивавших девушек в Мурбруке, и о том, что подобные убийства совершались и в других местах. О том, как они с Зарой выследили в лесу под Мурбруком зверя-убийцу, о том, как они выяснили, что зверь исполнял приказы священника Сальери, о других людях, внешне ничем не приметных, которые охотились за сердцами невинных девушек в других городах Анкарии. Джэйл сообщила, как сначала заподозрила, что магистр Илиам Цак взялся за старое. Однако позже они узнали, что во главе возрожденной секты стоит не Илиам Цак, а его бывший соратник и правая рука — Исмаил Турлак. Джэйл рассказала об их встрече с Виглафом в башне Илиама Цака и о том, как Виглаф попытался их убить.

Наконец Джэйл умолкла. Молчали и волшебники. Им явно требовалось время, чтобы осмыслить услышанное и обдумать ответ, ибо косвенно она обвинила их в том, что они не отнеслись с должным вниманием к возрождению культа Саккары и не уничтожили в зародыше величайшую опасность для всей Анкарии.

Наконец Годрик заговорил:

— Итак, в первый раз, когда вы пришли сюда и я спросил вас о причинах вашего визита, вы мне солгали? В таком случае объясните мне, почему мы должны верить вам теперь? Тем более что все рассказанное вами больше похоже на сказку. Вы находитесь в Штернентале всего один день и полагаете, что узнали о происходящем в городе больше, чем мы, живущие здесь уже много сотен лет? Никогда не думал, что услышу подобные обвинения от одной из Защитниц Света. Уверяю вас, вы ошибаетесь, и прошу вас набраться мужества, чтобы признать свою ошибку. Мне очень жаль Виглафа, мне больно слышать о том, какая судьба постигла его. Но клянусь, что бы он вам ни рассказал, это было его собственной, ни на чем не основанной фантазией. Я клянусь вам в этом. — Его голос окреп и зазвучал громче и тверже. — Я клянусь, что все, что рассказал вам Виглаф, — абсолютная бессмыслица, и я не знаю, что заставило его лгать вам. Культ Саккары мертв уже много столетий, и никто из живущих в Штернентале никогда и в мыслях не имел открыть врата ада и выпустить на свободу демонов Хаоса. Это — полный абсурд и бессмыслица. Мы служим королю и Анкарии, и у нас нет никаких оснований замышлять зло.

— Почему вы так уверены? — спросила его Джэйл. — Почему вы уверены в этом Измаиле Турлаке? Вы доподлинно знаете его намерения? Я бы хотела сама увидеться с ним и поговорить. Где мне его найти?

— Там, откуда вы пришли, — сказал Годрик, и губы его расплылись в язвительной усмешке. — На кладбище. Измаил Турлак умер и был погребен несколько десятилетий назад. — Годрик явно наслаждался изумлением гостей. — Позволю себе упредить ваш следующий вопрос, — продолжил он с преувеличенной любезностью. — Нет, Измаил Турлак не был убит. Он умер от старости, он просто устал от жизни и прекратил омолаживать себя. Но даже если бы он был сейчас жив, то едва ли смог чем-нибудь помочь вам. Он, как и все мы в Штернентале, отрекся от запретных темных искусств. Повторяю, мы все хотим одного — стать полезными членами общества и очистить нашу репутацию от любых подозрений. — Он внимательно посмотрел серафиме в глаза, будто желая удостовериться, что его речь произвела на нее впечатление. — И я еще раз со всей ответственностью заявляю вам: в Штернентале нет и никогда не было ни одного волшебника, который был бы членом возрожденного культа Саккары. И я полагаю, что в скором будущем...

Но тут Зара прервала его речь:

— А как насчет убийств волшебников?

Годрик изумленно уставился на вампиршу. Казалось, сама мысль о том, что подобное существо смеет задавать ему вопросы, возмутила его. Он готов был выслушать серафиму, но вовсе не желал оправдываться перед кем-то из детей ночи. И все же ему пришлось ответить.

— О каких убийствах идет речь? — спросил он удивленно. — Это что, еще одна из баек Виглафа?

— А разве не правда то, что за последние годы несколько волшебников в Штернентале были убиты, причем убиты с особой жестокостью? — ответила Зара вопросом на вопрос. — И что все убийства были похожи друг на друга как две капли воды?

Зара взглянула на лица других волшебников и поняла, что она на верном пути. Сидевшие за столом почтенные старцы явно чувствовали себя неудобно. Слова Зары обеспокоили их гораздо больше, чем рассказ Джэйл.

— Волшебникам наносили множество ран узкими острыми клинками и оставляли их истекать кровью, пока несчастные не умирали, — продолжала вампирша. — Это было карой за то, что они отказались присоединиться к культу Саккары и пожелали сохранить верность королю и Анкарии. Да, эту байку рассказал нам Виглаф. Но разве она не соответствует действительности?

— Ни в коей мере! — воскликнул Годрик. — Ни в коей мере не соответствует! Это просто чушь, ерунда, глупая шутка, не больше. Разумеется, за те столетия, что мы живем здесь, люди умирали. Такова участь всех живых существ, будь то волшебники или обычные смертные, — все мы склоняемся пред властью времени. «Всякий, кто рожден, обречен смерти» — так говорит пословица. Но уверяю вас, за все эти долгие годы, за все века, пока существует Штерненталь, здесь никто не был убит.

И тут один из волшебников — человек средних лет, щуплый и горбоносый, посох которого был украшен деревянной розой, поднял руку, показывая, что ему есть что сказать. Годрику пришлось умолкнуть.

Волшебник поднялся со своего кресла, разгладил бороду и заговорил тихим глубоким голосом.

— А что, если это правда? — мягко сказал волшебник. — Что, если мы в самом деле были ослеплены нашим самомнением и не желали видеть то, что творится под самым нашим носом?

— Салман! — воскликнул Годрик так, словно приказывал своей собаке: «К ноге!»

Но Салман не собирался подчиняться. Он молчал слишком долго и слишком долго собирался с силами, так что его невозможно было остановить гневным окриком. Не обращая внимания на Годрика, глядя в глаза своим товарищам, Салман продолжал:

— Мы все что-то замечали, не так ли? До нас доходили слухи, но мы не желали им верить. И это продолжалось не один месяц. Мы хоронили наших друзей, одного за другим, и не решались спросить, что происходит. А если и спрашивали, нам отвечали, что все под контролем. — Он повернулся к Годрику и указал на него пальцем. — Разве не вы, не вы лично уверяли нас, что все у вас под контролем?

Годрик хотел что-то возразить, но Салман нетерпеливым жестом велел ему молчать, и Годрик, к собственному удивлению, подчинился.

— Вам удалось нас успокоить, — продолжал Салман. — Или, вернее, мы успокоили сами себя. Нам очень хотелось поверить в ваши слова, поверить в то, что не происходит ничего особенного, никакой опасности нет. Мы поверили, что слухи лгут, что никто не желает

вернуться к старым глупостям, никто не собирается возрождать культ Саккары и ввергать мир в пучину Хаоса. Возможно, мы просто боялись взглянуть правде в глаза. Но теперь мы не имеем права оставаться слепцами. Культ Саккары возродился и готовится совершить величайшее зло. Я верю в каждое слово, сказанное Защитницей Света, и в каждое слово, произнесенное этим несчастным существом. — Он взглянул на Зару, и в его взгляде она прочитала сострадание. — И наше великое счастье в том, что мы прозрели сейчас, когда еще не поздно предпринять что-то во имя спасения мира, — закончил Салман.

Он сложил руки на навершии своего посоха и вновь внимательно и выжидающе посмотрел на своих товарищей. Но те молчали. И тогда Салман заговорил снова:

— Сейчас мы должны принять решение. Не только во имя нашей безопасности, но во имя тех бесчисленных невинных жертв, которых мы можем защитить. — Он сделал жест, как будто накрывал защитным куполом не только Штерненталь, но и всю Анкарию. — Возможно, мы — единственные, кто может предотвратить катастрофу.

— А почему, собственно, мы обязаны это делать? — спросил Годрик с вызовом. Он подождал несколько секунд и, убедившись, что взоры всех собравшихся обратились к нему, продолжил: — Прежде всего, никто не давал тебе права говорить от имени всех нас. Спроси у своих соседей, горят ли они жаждой защищать Анкарию. Да и с какой стати нам это делать? Ответь, во имя всех богов. Почему мы должны защищать короля, который держит нас здесь, и порядок, в котором нам нет места? Мы здесь лишь потому, что король боится нас. Потому, что подчиняются силы, которые он не в состоянии контролировать. Потому что мы знаем то, чего не знают ни он, ни его советники. Он боится нас. Он подозревает нас. И из-за одного этого подозрения мы вынуждены томиться здесь уже тысячу лет.

Он снова обвел взглядом собравшихся, желая узнать, какое впечатление производит на них его речь.

— Чем мы обязаны королю? — спросил он затем, возвышая голос. — Он лишил нас всего, что нам дорого, всего, что мы любим. Нас травили, как зверей, нас отдали во власть инквизиции, нас сослали на край света. И теперь нам говорят, что мы должны помочь нашим мучителям, что мы должны использовать наши силы для сохранения порядка, из-за которого все мы страдаем.

Годрик повернулся к серафиме, его щеки покраснелись, глаза пылали гневом.

— Так знайте же, что мы не обязаны помогать вашему королю! — воскликнул он.

— Я не прошу вас помочь королю, я прошу вас помочь всем людям Анкарии, — возразила Джэйл.

— Людям Анкарии? А чем мы обязаны им? Разве они уважают нас? Разве они желают нам добра? Разве они сделали для нас что-нибудь хорошее?

— А вы сделали что-нибудь хорошее для них? — парировала серафима. — Чем заслужили вы их уважение?

Годрик со злобой глянул на Джэйл, но это не смутило ее.

— Вы жалуетесь на несправедливость, — продолжала она как ни в чем не бывало. — Вы говорите, что наказаны без вины, что вас обрекли на заточение в Штернентале лишь за ваши знания и умения. Но разве вы хоть раз попытались поставить ваши знания и умения на службу людям? Разве сделали что-то такое, за что люди были бы вам благодарны? Нет, зато некоторые из вас пытались свергнуть с трона законного монарха и ввергнуть страну в Хаос. И сейчас, когда вас просят о помощи, вы отказываетесь. Разве не вы клялись мне лишь несколько часов назад, что ваша единственная цель — служить людям? Но теперь я вижу, какова цена вашим словам. Разве судьба человечества когда-нибудь волновала вас? Разве вас интересует хоть что-нибудь, кроме благополучия ваших собственных бесценных персон? Разве у людей есть причины уважать вас?

Некоторые из сидевших за столом волшебников запротестовали было, но Джэйл властным жестом заставила их замолчать.

— Пока что ясно одно, — сказала она, глядя в глаза волшебникам. — Возможно, вы в самом деле обладаете магической силой. Но вы, кажется, понятия не имеете о том, что большая сила предполагает и большую ответственность.

Она замолчала, ожидая ответа. Но молчали и волшебники. Даже Салман не сказал ни слова. Только Годрик, воспользовавшись паузой, выкрикнул:

— Да кто вы такая, что смеее так разговаривать с нами?! Кто дал вам право?

Джэйл не удостоила этот вопрос ответа. Она подошла ближе к столу, оперлась на него руками и спросила:

— Когда будет следующее лунное затмение? И где секта Саккары может проводить свой ритуал?

— Следующее затмение... — начал Салман.

Годрик ожег его взглядом, волшебник испуганно смолк, но потом собрался с духом и продолжил:

— Следующее лунное затмение случится как раз этой ночью. Это... это... — От волнения он вскочил на ноги. — Понимаете, это особенная ночь. Звезды станут в конфигурацию, в которой они оказываются раз в тысячу лет. Ее называют Знак Девы.

— Итак, этой ночью наступит последний час, — сказала Джэйл мрачно. — Последний час мира, который мы знаем.

Салман глядел на нее округлившимися от изумления глазами.

Джэйл кивнула.

— Когда земля окажется между светом и тенью, — заговорила она, повторяя слова Виглафа, — секта Саккары откроет врата преисподней и выпустит на волю демонов Хаоса. И если мы до вечера не узнаем, где это произойдет, мы не сможем ничего предпринять.

Она повернулась к Годрику, мрачно постукивавшему пальцами по навершию своего посоха, и сказала тихо, но внятно:

— Если Анкария падет, можете считать это своей заслугой.

Он ответил мрачно:

— Если Анкария падет, это будет только ее собственной заслугой.

Салман открыл было рот, но Годрик, нахмутив брови, пристально посмотрел на него, и на этот раз волшебник не решился заговорить. Годрик же вновь обратился к Джэйл.

— Я полагаю, мы поняли друг друга как нельзя лучше, — сказал он. — Здесь больше нечего обсуждать. Вы можете гоняться за иллюзиями, сколько вам угодно, но мы не станем вам помогать. Разумеется, я мало чем могу помешать вам, да и не буду этого делать, но вы должны ясно понимать, что с этого момента не являетесь желанными гостями в Штернентале. Вы оплатили нам за наше гостеприимство черной неблагодарностью. Отныне я лишаю вас своего покровительства и отказываюсь нести ответственность за вашу безопасность. Если излишним любопытством вы навлечете на свои головы неприятности, вам будет некого винить в этом, кроме самих себя. Советую вам не задерживаться и покинуть Штерненталь как можно скорее.

Взглянув на волшебников еще раз, Джэйл увидела, что не только Салман, но еще по крайней мере двое или трое из собравшихся не согласны с Годриком, но не решаются высказать свое несогласие открыто.

— Мы никогда не просили вас брать на себя ответственность за наши жизни, — холодно ответила она верховному магу. — А сейчас у нас действительно мало времени и много дел. Прощайте.

Она развернулась и направилась из зала. Зара, Фальк и Тор последовали за ней.

— Вот какова сила дипломатии! — пробормотала Зара под нос. — Это впечатляет. Кажется, я должна пересмотреть свое мнение относительно просьб и переговоров.

Джэйл ничего не ответила и даже не обернулась. Сейчас все ее мысли были сосредоточены на предстоящей ночи. Близился «последний час», о котором она впервые услышала от Сальери в Мурбруке. Никто не знает, взойдет ли завтра солнце. А если и взойдет, увидит ли рассвет хоть одно живое существо. Или солнечные лучи коснутся безжизненной земли, на которой будут править бал демоны Хаоса?

И все это случится оттого, что столетия размышлений ничему не научили волшебников, оттого, что, когда дело дошло до решительных действий, они оказались не мудрецами, а обыкновенными слабыми людьми, не сумевшими совладать со своей обидой и жаждой мести. Может быть, они осознают свою ошибку, может быть, нет. Впрочем, теперь это уже не имело никакого значения.

Еще ни разу за всю свою тысячелетнюю жизнь Джэйл не чувствовала себя такой беспомощной.

<http://tl.rulate.ru/book/15991/334123>